

Герасим Абрамович Паперн

**Б. Спиноза. Его жизнь и
философская деятельность.**



Герасим Паперн

**Б. Спиноза. Его жизнь и
философская деятельность.**

«Public Domain»

Паперн Г. А.

Б. Спиноза. Его жизнь и философская деятельность. /
Г. А. Паперн — «Public Domain»,

«...Завоевание арабами Пиренейского полуострова в 711 году доставило угнетенным испанским евреям полное равноправие. Они не только пользовались полной религиозной свободой, но часто становились во главе арабских школ, допускались к высшим государственным должностям...»

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава I. Страничка истории | 6 |
| Глава II. Семья и школа | 10 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 14 |

Герасим Абрамович Паперн Спиноза. Его жизнь и философская деятельность

Биографический очерк Г. А. Паперна

С портретом Спинозы, гравированным в Петербурге К. Адтом

Глава I. Страничка истории

Возникновение еврейской колонии в Амстердаме. – Судьбы евреев в Испании и Португалии. – Марраны. – Положение дел в Нидерландах. – Коллегианты. – Ян де Витт

Еврейская колония в Амстердаме возникла всего за сорок лет до рождения Спинозы: в 1591 году здесь поселилась горсть португальских марранов, спасавшихся от преследований инквизиции, и Спиноза принадлежал, следовательно, к первому поколению, родившемуся на новой земле.

Новые условия не успели еще сколько-нибудь существенно повлиять на внутреннюю жизнь общины, и обстановка, в которой вырос мыслитель, в значительнейшей своей части создалась под влиянием обстоятельств, вызвавших возникновение колонии. Обстоятельства эти – одно из жесточайших преследований, каким когда-либо подвергался многогонимый народ, – преследование, продолжавшееся без малого три столетия. И если обстановка, в которой вырос Спиноза, не представляла картины полного опустошения, если в окружавшей его духовной атмосфере бродили идеи, в значительной части потом вошедшие в его мирозерцание, то объясняется это, во-первых, тем, что народ, к которому он принадлежал, считает свою культурную жизнь тысячелетиями и свято оберегает остатки своей многовековой культуры; во-вторых, тем, что до гонений, обрушившихся на испанских и португальских евреев в конце средних и начале новых веков, они благоденствовали: целых четыре столетия жили при условиях, о которых не могли и мечтать их единоверцы в христианских государствах Европы: они были граждански полноправными.

Завоевание арабами Пиренейского полуострова в 711 году доставило угнетенным испанским евреям полное равноправие. Они не только пользовались полной религиозной свободой, но часто становились во главе арабских школ, допускались к высшим государственным должностям. При таких условиях они быстро достигли высокой степени культурного и материального благосостояния. Положение испанских евреев резко изменилось к худшему с восстановлением на полуострове христианского владычества. Сначала их умственная жизнь продолжала еще в силу инерции двигаться тем ускоренным темпом, который сообщила ей гражданская свобода, – и XII век был веком расцвета испанско-еврейской образованности. После него начался период гонений и упадка.

Две причины способствовали усилению в Испании в данную эпоху нетерпимости, которая была общим уделом евреев в то время и много веков спустя в христианских странах Европы. Во-первых, многовековая борьба испанцев с маврами вызвала естественный рост национального и религиозного самосознания, скоро выродившегося в сознание национальной исключительности и религиозную нетерпимость. Во-вторых, со вступлением на папский престол Иннокентия III и с возникновением нищенствующих орденов римская церковь приняла воинствующий характер и вступила в энергическую борьбу с неверующими и еретиками.

Уже в 1205 году Латеранский собор принял ряд ограничительных мер против евреев: воспретил им занимать государственные должности, вступать в общение с христианами, носить туземные имена, лечить христиан, установил для них особую одежду. Меры эти, направленные против всех евреев, живших в католических странах, имели главным образом в виду привыкших к равноправию испанских евреев, давно слившихся с коренным населением по обычаям и языку, – на испанском языке до сих пор говорят их потомки в Азии и Африке. Они ставили себе целью искусственно обособить их, приучить население смотреть на них как на низшую расу, как на париев, стоящих вне покровительства законов. Не все они могли быть осуществлены на практике. Даже в XVI веке мы встречаем евреев лейб-медиками у королей и пап ввиду недостатка в научно-образованных врачах-христианах. Но ограничительные меры достигали своей цели, постепенно фанатизируя массу, целые столетия мирно уживавшуюся с

евреями и дружелюбно относившуюся к ним в Испании даже в фанатическую эпоху крестовых походов, записанную кровавыми чертами в истории евреев других европейских стран. В 1391 году над испанскими евреями разразилось первое кровавое гонение, сопровождавшееся насильственным обращением их в католичество. За ним следовали другие, и наконец в 1492 году, после взятия Гранады – последнего оплота Мавританского владычества на полуострове, Фердинанд-Католик и Изабелла издали указ об изгнании евреев из Испании. Им разрешено было остаться в стране с условием принятия католичества, условие это было невыполнимо, и почти все еврейское население Испании – около 300 тыс. человек – покинуло родину. Часть их направилась в более терпимые Египет и Турцию, где они были радушно приняты султаном Баязетом, – большинство (около 200 тысяч) переселилось в соседнюю Португалию. Последних ждала еще более тяжкая участь.

Сочувственно относившийся к ним вначале король Эммануил, после бракосочетания с дочерью Фердинанда и Изабеллы, инфантой Изабеллой, повторил указ своего тестя, но в то же время принял меры, чтобы лишить евреев возможности оставить страну в назначенный срок. После этого они были объявлены, как преступившие королевское повеление, рабами короля и насильственно обращены в католичество. Обращение это сопровождалось массовыми самоубийствами и саможжениями. Несмотря на настойчивые требования пап, находивших образ действий португальского короля несоответствующим достоинству католической религии, разрешение выселиться дано было уже потомкам новообращенных – только спустя столетие, в 1582 году, но опять было у них отнято через пять лет, когда Португалия была присоединена к владениям Филиппа II. Впрочем, выселиться было некуда: во всей Европе их ждали те же гонения и преследования.

Благодаря описанным событиям на Пиренейском полуострове появилось множество насильственно обращенных, «новых христиан» (*novos christianos*), или марранов. Они ненавидели насильственно навязанную им веру и тем страстнее были преданы религии своих отцов, обряды которой исполняли втайне. Несмотря на преследования инквизиционных трибуналов, превративших Пиренейский полуостров в гигантский костер, на котором ежегодно сжигались тысячи человек, эта преданность сохранилась даже в третьем и четвертом поколении марранов, пользовавшихся всяким удобным случаем для возвращения в иудейство. В более широких размерах эта возможность представилась, когда восстание Нидерландов против Филиппа II создало на севере Европы свободную республику, провозгласившую основным принципом своего государственного строя религиозную веротерпимость.

Долгие преследования развивают подозрительность, и нет ничего удивительного в том, что испанские евреи ожидали встретить во всяком христианине притеснителя, обидчика и врага. Беглецы, прибывшие в Амстердам в 1591 году, не решались довериться обещаниям правительства и долгое время скрывались, тайком собираясь для общего богослужения. Эти тайные собрания возбудили подозрения властей, и молельня была в день покаяния оцеплена войсками. Факт, казавшийся несчастным марранам началом новых гонений, послужил к выяснению их положения: им была предоставлена полная религиозная свобода и все гражданские права, за исключением права занимать государственные должности, но о последнем они и не мечтали. Впоследствии и это ограничение – естественное по отношению к чужеземцам – было отменено. Весть о веротерпимости, встреченной в Нидерландах первыми переселенцами, вызвала прилив туда новых беглецов из Португалии, несмотря на трудности, которыми обставлено было переселение. В 1670 году португальская община насчитывала уже четыре тысячи семейств. Вскоре здесь возникли типография и правильно организованное семиклассное училище. Исполненные глубокой благодарности к приютившей их стране, евреи называли Амстердам «новым Иерусалимом». На почве полной веротерпимости между туземным населением и переселенцами скоро установились ничем не омрачавшиеся хорошие отношения. Спустя несколько поколений переселенцы освоились с обычаями и языком своей новой родины и пре-

вратились в верных граждан, дорожащих ее учреждениями и гордящихся своей принадлежностью к свободной и веротерпимой республике.

Положение дел в Нидерландах в эпоху переселения туда первых португальских выходцев носило еще все черты смутного времени. Война с Испанией продолжалась, и нидерландцы часто терпели поражения в борьбе с превосходившим их и силою, и опытностью полководцев неприятелем. Тем не менее, становилось уже ясным, что маленький народец, упорно отстаивавший свою независимость от деспотического гнета могущественнейшей тогда в мире монархии, достигнет своей цели. Фактически признанная гаагским перемирием 1609 года независимость Штатов получила юридическое признание только в 1648 году, уже при жизни Спинозы.

Внутри страна переживала период брожения. Штатам предстояла трудная организационная задача – создать государство, в котором верховенство народного представительства (общего сейма) и разнообразные привилегии отдельных штатов и городов уживались бы с сильной центральной властью. Последняя казалась необходимой в неокрепшей еще молодой республике, которой в первые же годы ее независимой жизни пришлось вести войны с Испанией, Англией и Францией. Население делилось на партии. Большинство, привязанное к памяти великого основателя республики, Вильгельма Молчаливого, принадлежало к оранской партии, требовавшей сосредоточения исполнительной власти и командования войсками в руках наследственного штатгальтера из оранского дома. Образованное и зажиточное меньшинство, входившее в состав республиканской партии, опасаясь превращения Штатов в неограниченную монархию, стремилось к отделению административной власти от военной и к расширению прав общего сейма.

Политические разногласия осложнялись религиозными распрями. Даже в самом веротерпимом тогда государстве Европы, – республике, независимость которой выросла на принципе религиозной свободы, – «еретики», секты, отделившиеся от общего протестантского вероучения, подвергались преследованию. Политические и религиозные партии отчасти совпадали: диссидентские учения имели сторонников главным образом среди республиканской партии, вообще склонной терпимо относиться к сектантам; оранская партия поддерживала тесный союз с фанатическим кальвинистским духовенством. Из сектантских учений наиболее распространенным было учение анабаптистов-меннонитов, свившее себе прочное гнездо в Нидерландах еще в первые времена Реформации. Многочисленные общины анабаптистов, организованные потом Менно Симонсом и получившие название меннонитов, обращали мало внимания на развитие догматической стороны учения, но были тесно сплочены практической моралью, основными положениями которой были воздержание от войны и братская помощь друг другу. Другой сектой, вызывавшей еще более ожесточенные преследования, была секта арминиан, последователей лейденского профессора Арминия, смягчившего суровое учение Кальвина о предопределении.

Упорная политическая и религиозная борьба длится в течение всего первого периода существования республики. При сыне Вильгельма Оранского, Морице, вожде республиканской партии, один из основателей республики, престарелый Ольдебарневельдт сложил голову на плахе; другие видные представители ее, в том числе создатель науки о международном праве Гуго Гроций, заключены были в тюрьму. В то же время Дортрехтский собор (1618 год) осудил учение арминиан как еретическое. Им воспрещено было публично отправлять богослужение, и они скоро слились с поставленными в такое же безвыходное положение меннонитами. Религиозные собрания их, не имея характера публичного богослужения, так и назывались «собраниями» (*collegia*), откуда и произошло название «коллегиантов», под которым мы встретим их в дальнейших главах. Республиканская партия получила перевес только во время малолетства Вильгельма III, когда во главе республики стал человек незапятнанной честности и благородного разносторонне развитого ума, великий пенсионарий Голландии, Ян де Витт, друг и по некоторым данным ученик Спинозы. Двадцать лет его правления были эпохой величайшего

могущества и процветания Штатов. Как читатели помнят из учебников истории, Ян де Витт погиб трагической смертью, вина в которой почти всецело падает на разбойничью политику Людовика XIV. В 1672 году громадная французская армия, под предводительством принца Конде, неожиданно вторглась в пределы состоявших в союзе с Францией Нидерландов. Штаты были захвачены врасплох, и неприятельская армия подвигалась вперед, не встречая сопротивления. Чувствуя невозможность продолжать войну, Ян де Витт вступил в переговоры с неприятелем; оранская партия распустила слух об измене, и Ян де Витт был растерзан настроенной против него толпой. В биографии Спинозы нам придется говорить об эпизоде, относящемся к этой войне.

Глава II. Семья и школа

Скудные сведения о семье. – Учителя Спинозы. – Школьные влияния: Маймонид, Крескас, Ибн-Эзра, каббала. – Итоги. – Начало сомнений

Барух Спиноза родился в Амстердаме 24 ноября 1632 года. Родители его были марраны, переселившиеся из Португалии или Испании. Последнее представляется более правдоподобным. Свой протест против административной высылки из Амстердама Спиноза написал на испанском языке, тогда как официальным языком общины был португальский. Сама фамилия «Спиноза» ведет, по-видимому, свое начало от одной из многочисленных деревушек того же названия, расположенных в окрестностях Бургоса. Это, конечно, второстепенные мелочи, и мы касаемся их только для того, чтобы показать читателю, как скудны наши сведения даже относительно элементарных фактов жизни Спинозы.

О семье Спинозы мы знаем очень мало. Родители его были, по-видимому, люди зажиточные и занимались торговлей, у Спинозы было две сестры, имена которых сохранил нам Колерус, – малоинтересные имена, не оставившие по себе никаких следов в жизни мыслителя. О детстве его мы ничего не знаем и предоставляем на этот счет фантазии читателя неограниченный простор. Позднейшие события жизни Спинозы сделали невозможным получение о нем каких-либо сведений от его семьи. Близкие же друзья Спинозы не оставили нам никаких биографических заметок, – вероятно, по желанию самого Спинозы: он осуждал авторское честолюбие и запретил даже выставить на посмертных произведениях свое имя. Учебные годы Спинозы прошли, вероятно, в школе, основанной португальскими выходцами в 1639 году, то есть когда ему было семь лет. Это было правильно организованное училище, в старших классах которого ученики изучали богословие, еврейскую филологию, риторику и пиитику. Во главе его стояли раввины: Саул Мортейра, Иссак Абоаб и Манассе бен Израэль. Все трое были людьми маловыдающимися. Старший из них, Саул Мортейра, ученик и родственник знаменитого врача Элия Монтальто, лейб-медика королевы Марии Медичи, был сравнительно мало знаком даже с богословской литературой. Оставшиеся после него сочинения – проповеди и небольшие трактаты философского и апологетического содержания – обнаруживают в нем некоторое знакомство с философской литературой, но представляют собой мало оригинального. Несравненно большей известностью, в качестве талантливого проповедника, пользовался Абоаб, но, судя по литературным его произведениям, и он не представлял ничего выдающегося. Младший товарищ их, М. б. Израэль, тоже талантливый проповедник, владел несколькими языками, в том числе латинским, и благодаря личным качествам пользовался дружбой многих современных христианских ученых и государственных деятелей. Настойчивый, всецело отдававший себя любимому делу, он добился допущения евреев в Англию (при Кромвеле), но в умственном отношении стоял не выше своих товарищей. Подобно им, он увлекался мистикой, считал ересью критическое отношение к Талмуду и апокрифическим книгам каббалы. Все трое не отвечали тем требованиям, какие вправе была предъявлять к своим руководителям молодая община, и без того, в силу самих условий своего возникновения, стремившаяся держаться буквы предания. В руководимую ими школу они внесли, вероятно, тот же дух мертвящего, сосредоточенного на обрядовой стороне формализма, который закрепляли в религиозной жизни общины.

Тем не менее, амстердамское училище дало, вероятно, Спинозе то, что могла дать тогдашняя школа вообще. По характеру преподавания оно мало чем отличалось от тогдашних христианских школ. И здесь, и там преобладало богословие – изучение Св. Писания и толкований к нему. Разница была только в том, что в одних изучалась патристика и схоластическая философия, в других – талмуд и религиозная философия Маймонида и его последователей. Аналогия тут полнее, чем может думать читатель. Подобно схоластике, средневековая

еврейская философия, возникновение и расцвет которой на сто лет предшествует возникновению и расцвету схоластики, основана на аристотелевской философии и стремится слить ее с религией. Если западная церковь одно время носилась с мыслью о причислении Аристотеля к лику святых, то для Маймонида Аристотель – почти такой же Богом ниспосланный источник истины, как Св. Писание. Философия и вера (то есть догматика) не могут противоречить друг другу, так как обе они – продукты божественной природы. И в этих попытках слияния науки с богословием – как во всех подобных попытках – буква предания не всегда торжествует, и ясный смысл эпического рассказа произвольно истолковывается в угоду требованиям метафизики. Чтобы дать читателю понятие об этой своеобразной манере мышления, приведем одно место из Маймонида, цитируемое Спинозой.

Речь идет о вечности мира, одном из основных положений аристотелевской философии. На этот раз Маймонид не присоединяется к своему учителю, но, – как он характерно заявляет, – «...совсем не потому, что этому противоречит рассказ Библии о сотворении мира. Ведь несмотря на то, что в Св. Писании встречаются места, как будто указывающие на телесную природу Бога, мы признаем Его, однако же, бестелесным, так как бестелесная его природа ясно доказана, а потому все места Св. Писания, противоречащие этому, должны быть толкуемы в соответствующем смысле. Вечность же мира не доказана; поэтому нет необходимости насилловать смысл Библии ради взгляда, который, правда, привлекателен, но, быть может, будет заменен противоположным, если будут найдены достаточные основания». Как бы ни был дик этот взгляд, последовательное проведение его открывало известный простор научной деятельности, и Маймонид является в значительной степени рационалистом. Некоторые из его взглядов не могли не показаться смелыми в XII веке, но попытка осудить произведения Маймонида как еретические, сделанная спустя четверть века после его смерти (1206 год), вызвала такой единодушный взрыв негодования, что обскуранты поспешили отказаться от своей затеи. Когда эта попытка была возобновлена в XIV веке, то община и раввины Монпелье объявили, что предадут отлучению всякого, кто будет из религиозных побуждений отклонять своих детей от изучения любой науки на любом языке; всякого, кто будет осуждать писателя, трактующего о богословских предметах, на основании философских его убеждений, и, наконец, всякого, кто позволит себе назвать еретическими произведения Маймонида, – любопытный образчик ограждения свободы мысли при помощи обычного орудия богословской нетерпимости.

В XVII веке, спустя четыре с лишним столетия после смерти Маймонида, он был веками освященный авторитет, и взгляды его получили силу почти религиозных догматов. Из влияний, окружавших Спинозу в школьные годы, влияние произведений Маймонида было одним из наиболее сильных: как показала новейшая критика, следы внимательного изучения Маймонида встречаются в важнейших произведениях Спинозы – главным образом, в «Богословско-политическом трактате», но также и в «Этике». Может показаться странным, что, несмотря на значительную примесь рационализма во взглядах Маймонида, несмотря на то, что его взгляды нередко тесно соприкасаются со взглядами Спинозы, последний в своих произведениях относится к Маймониду с нескрываемой враждебностью. И однако же явление это вполне понятно. Прежде всего научная честность Спинозы возмущалась приемами, которые Маймонид применял к истолкованию Св. Писания, у Маймонида они были следствием искреннего его убеждения, что наука и Св. Писание не могут противоречить друг другу. Но в XVII веке наивная непосредственность эпохи Маймонида исчезла безвозвратно. В «Богословско-политическом трактате» Спиноза будет прибегать к сходным приемам, но они будут у него носить характер едкой иронии. И приемы эти у теологов будут вызывать ожесточение и ненависть, которые были бы, может быть, менее сильны, если бы Спиноза выступил с простым отрицанием.

Кроме того, приемы Маймонида, как и все попытки слияния науки с богословием, вели в конце концов к застою. Метафизические и научные представления известной эпохи, закрепляясь, принимали характер догматов, и критическое отношение к ним становилось невозмож-

ным. Создавалось привилегированное положение для учений известных научных и метафизических школ, и с этим положением приходилось считаться борцам, пролагавшим новые пути для человеческой мысли. Естественно, что единственно мыслимые отношения были отношения борьбы, и во время этой борьбы некогда было считаться с точками духовного родства и соприкосновения.

Из противников Маймонида и аристотелевской философии Спиноза был знаком с произведениями Крескаса (XIV век). В богатой литературе о «предшественниках Спинозы» вопрос о влиянии на него учения Крескаса играет важную роль, но мы за недостатком места не можем его касаться. Укажем только, что философия Крескаса носит яркую детерминистскую окраску и что мистический язык основных ее положений сильно напоминает смущающие современного читателя теоремы последней части «Этики».

Несравненно симпатичнее, чем Маймонид, был Спинозе другой комментатор Св. Писания, Ибн-Эзра, старший современник Маймонида. Беспокойная натура, проведшая в скитаниях почти всю вторую половину своей жизни, поэт, математик, астроном и филолог, Ибн-Эзра соединял с редким критическим талантом и смелостью мысли громадную и разностороннюю эрудицию, необходимую для экзегета. Опасаясь обвинения в ереси, Ибн-Эзра высказывал свои взгляды туманными намеками. Спиноза относился к нему всегда с большим уважением, и в его руках туманные намеки Ибн-Эзры превратились в беспощадную критику предания.

Кроме этих влияний, уже носивших в себе зародыши борьбы с унаследованной традицией, Спинозу в школьные годы окружали и другие влияния, действовавшие в том же смысле. Подобно тому как в христианской средневековой философии рядом со схоластикой существовала мистика, так философии Маймонида и его продолжателей приходилось бороться с каббалой. Происхождение каббалы с точностью не выяснено; по-видимому, она выросла на той же почве, что и новоплатонизм, возникший на Востоке, – кажется, под влиянием учения Зороастра. Впоследствии новоплатонические элементы привносили в каббалу неоднократно. Распространяясь медленно и осторожно, учение каббалы сделалось общедоступным, благодаря изданию книги «Зогар», только в XIV веке, увлекло в свое время гуманистов Рейхлина и Пико делла Мирандолу и достигло высшей степени влияния в европейском мире в XVII веке; как мы видели, учителями Спинозы были мистики и каббалисты... Каббала являлась протестующим элементом в тогдашнем еврействе, противопоставляя авторитету раввинского учения свой авторитет таинственного и древнего предания, и если она мирно уживалась с неуклонным следованием букве закона и рационалистической философией Маймонида в головах учителей Спинозы, то происходило это благодаря силе рутины и изумительной способности заурядных людей спокойно носить в своей душе ряд вопиющих противоречий. Заклучая в себе развинутую с чрезмерной обстоятельностью демонологию, каббала в то же время в учении о божестве, как и весь позднейший иудаизм, совершенно свободна от антропоморфических элементов и достигает значительной философской глубины. Бог, по учению каббалы, настолько выше всего сущего, даже бытия и мышления, что ему нельзя приписывать действий, мышления, желаний, намерений. Единственное его свойство – безграничность или бесконечность (En-Sof). В этой своей необъятной всеобщности божество непознаваемо и, следовательно, как бы не существует, так как то, что не может быть познано мыслящим духом, для него не существует. В этом смысле En-Sof совпадает с Ничто (Ajin). В учении о происхождении мира каббала близка к пантеизму: мир она считает истечением (эманацией) божества, возникшим вследствие того, что божество, чтобы сделать себя познаваемым, должно было начать творить. Отношения Бога к миру она сравнивает, – переходя здесь уже в полный пантеизм, – с отношениями платья к складкам платья. Все в мире она признает одушевленным, даже камень. Позднейшие приверженцы каббалы, суеверные и часто душевнобольные, страдавшие галлюцинациями и переживавшие моменты религиозного экстаза, наполнили каббалу измышлениями своей расстроенной фантазии, вызвавшими презрительно-насмешливый отзыв со стороны Спинозы в

«Богословско-политическом трактате». Как мы говорили уже выше, каббала достигла высшей степени влияния в еврейском мире в XVII столетии, и окружавшая Спинозу в течение его детства и юности умственная атмосфера была насыщена идеями, пущенными в обращение каббалой, в той же, если не в большей мере, чем идеями средневековой еврейской схоластики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.